

Поцелуй — эпизод 6 из 7

Ездовые, все, сколько их есть, машинально взмахивают нагайками и изредка покрикивают. Само орудие некрасиво. На передке лежат мешки с овсом, прикрытые брезентом, а орудие всё завешано чайниками, солдатскими сумками, мешочками и имеет вид маленького безвредного животного, которое неизвестно для чего окружили люди и лошади. По бокам его, с подветренной стороны, размахивая руками, шагают шесть человек прислуги. За орудием опять начинаются новые уносные, ездовые, коренные, а за ними тянется новое орудие, такое же некрасивое и невнушительное, как и первое. За вторым следует третье, четвертое; около четвертого офицер и т. д. Всех батарей в бригаде шесть, а в каждой батарее по четыре орудия. Вереница тянется на полверсты. Заканчивается она обозом, около которого задумчиво, понутив свою длинноухую голову, шагает в высшей степени симпатичная рожа осел Магар, вывезенный одним батарейным командиром из Турции. Рябович равнодушно глядел вперед и назад, на затылки и на лица; в другое время он задремал бы, но теперь он весь погрузился в свои новые, приятные мысли. Сначала, когда бригада только что двинулась в путь, он хотел убедить себя, что история с поцелуем может быть интересна только как маленькое таинственное приключение, что по существу она ничтожна и думать о ней серьезно по меньшей мере глупо; но скоро он махнул на логику рукой и отдался мечтам... То он воображал себя в гостиной у Раббека, рядом с девушкой, похожей на сиреневую барышню и на блондинку в черном; то закрывал глаза и видел себя с другою, совсем незнакомою девушкою с очень неопределенными чертами лица, мысленно он говорил, ласкал, склонялся к плечу, представлял себе войну и разлуку, потом встречу, ужин с женой, детей...

К валькам! раздавалась команда всякий раз при спуске с горы.

Он тоже кричал к валькам! и боялся, чтобы этот крик не порвал его мечты и не вызвал бы его к действительности...

Проезжая мимо какого-то помещичьего имения, Рябович поглядел через палисадник в сад. На глаза ему попала длинная, прямая, как линейка, аллея, посыпанная желтым песком и обсаженная молодыми березками... С жадностью размечтавшегося человека он представил себе маленькие женские ноги, идущие по желтому песку, и совсем неожиданно в его воображении ясно вырисовалась та, которая целовала его и которую он сумел представить себе вчера за ужином. Этот образ остановился в его мозгу и уж не оставлял его.

В полдень сзади, около обоза, раздался крик:

Смирно! Глаза налево! Гг. офицеры!

В коляске, на паре белых лошадей, прокатил бригадный генерал. Он остановился около второй батареи и закричал что-то такое, чего никто не понял. К нему поскакали несколько офицеров, в том числе и Рябович.

Ну, как? Что? спросил генерал, моргая красными глазами. Есть больные? Получив ответы, генерал, маленький и тощий, пожевал, подумал и сказал, обращаясь к одному из офицеров:

У вас коренной ездовой третьего орудия снял наколенник и повесил его, каналья, на передок. Взыщите с него.

Он поднял глаза на Рябовича и продолжал:

А у вас, кажется, нашивальники слишком длинны...

Сделав еще несколько скучных замечаний, генерал поглядел на Лобытко и усмехнулся.

А у вас, поручик Лобытко, сегодня очень грустный вид, сказал он. По Лопуховой скучаете? А? Господа, он по Лопуховой соскучился!

Лопухова была очень полная и очень высокая дама, давно уже перевалившая за сорок. Генерал, питавший пристрастие к крупным особам, какого бы возраста они ни были, подозревал в этом пристрастии и своих офицеров. Офицеры почтительно улыбнулись. Бригадный, довольный тем, что сказал что-то очень смешное и ядовитое, громко захохотал, коснулся кучерской спины и сделал под козырек. Коляска покатила дальше...

Всё, о чем я теперь мечтаю и что мне теперь кажется невозможным и неземным, в сущности очень обыкновенно, думал Рябович, глядя на облака пыли, бежавшие за генеральской коляской. Всё это очень обыкновенно и переживается всеми... Например, этот генерал в свое время любил, теперь женат, имеет детей. Капитан Вахтер тоже женат и любим, хотя у него очень некрасивый красный затылок и нет талии... Сальманов груб и слишком татарин, но у него был роман, кончившийся женитьбой... Я такой же, как и все, и переживу рано или поздно то же самое, что и все...

И мысль, что он обыкновенный человек и что жизнь его обыкновенна, обрадовала и подбодрила его. Он уже смело, как хотел, рисовал ее и свое счастье и ничем не стеснял своего воображения...

Когда вечером бригада прибыла к месту и офицеры отдыхали в палатках, Рябович, Мерзляков и Лобытко сидели вокруг сундука и ужинали. Мерзляков не спеша ел и, медленно жуя, читал Вестник Европы, который держал на коленях. Лобытко без умолку говорил и подливал в стакан пиво, а Рябович, у которого от целодневных мечтаний стоял туман в голове, молчал и пил. После трех стаканов он охмелел, ослабел и ему неудержимо захотелось поделиться с товарищами своим новым ощущением.

Странный случился со мной случай у этих Раббеков... начал он, стараясь придать своему голосу равнодушный и насмешливый тон. Пошел я, знаете ли, в бильярдную...

Он стал рассказывать очень подробно историю с поцелуем и через минуту умолк... В эту минуту он рассказал всё, и его страшно удивило, что для рассказа понадобилось так мало времени. Ему казалось, что о поцелуе можно рассказывать до самого утра. Выслушав его, Лобытко, много лгавший, а потому никому не веривший, недоверчиво посмотрел на него и усмехнулся. Мерзляков пошевелил бровями и покойно, не отрывая глаз от Вестника Европы, сказал:

Бог знает что!.. Бросается на шею, не окликнув... Должно быть, психопатка какая-нибудь.

Да, должно быть, психопатка... согласился Рябович.

Подобный же случай был однажды со мной... сказал Лобытко, делая испуганные глаза.